

«Университетские страницы» прокурора

В феврале 2012 года Генеральная прокуратура Беларуси обратилась к руководству БГУ с просьбой оказать содействие в получении информации о бывшем народном комиссаре и прокуроре Белорусской ССР СЕГАЛЕ Моисее Абрамовиче. Поиск по «прокурорскому запросу» позволил найти прелюбопытную информацию и об «университетских страницах» биографии М.А. Сегалья, и о его последующих жизненных приключениях. В основном она наполнялась достоверными, подкрепленными документальными источниками сведениями, но в ряде случаев без гипотез и предположений, версий и догадок было не обойтись.

Исходной точкой подобного обращения Генеральной прокуратуры о проведении этого историко-документального расследования являлось то, что имя М.А. Сегалья – Наркома и Прокурора Республики (именно так, с прописных букв, он и обозначен в официальных документах 1920-х годов) было непосредственно связано со становлением одного из университетских факультетов – права и хозяйства [1, с. 12].

Вопрос об образовании Моисея Сегалья полностью соответствует как всей картине его жизненного пути, так и времени: сочетание, на первый взгляд, невозможного, путаница, противоречия, пелена таинственной значимости... Однозначно достоверно, согласно архивным документам, что М.А. Сегаль родился в Шауляе Ковенской губернии в 1891 году [2; 3]. А вот «университетские страницы» его жизни уже сложно трактовать однозначно. Так, например, он был известен как один «из немногих довоенных наркомов юстиции БССР, который имел юридическое образование» [4, с. 17]. Между тем сведения на этот счет, как, впрочем, и об иных сторонах его биографии, весьма противоречивы. В документах московского и казанского периодов сам Сегаль указывал, что до революции окончил коммерческое училище в г. Риге, ветеринарный курс юридического факультета ветеринар-

Олег ЯНОВСКИЙ,
кандидат
исторических наук,
профессор

Артем НАЗАРЕНКО,
магистр
исторических наук

ного института» (?!), юрфак университета, экстерном – экономический факультет политехнического института [5, с. 245–246; 3]. То есть к 25 годам он сумел осилить целых три высших образования, да еще и поучаствовать в Первой мировой войне.

«ТРАМПЛИН» СКОРОСПЕЛОГО ДОЦЕНТА

Юристов в БГУ на факультете общественных наук (ФОН) стали готовить чуть ли не с первых дней деятельности вуза. И с самого начала Наркомат юстиции (НКЮ) уделял значительное внимание университетским проблемам. Первый белорусский нарком юстиции А.Х. Гетнер в марте 1923 года на Совете БГУ заверял, что сможет помочь с решением вопроса о новом учебном корпусе, но обратил внимание университетского руководства на слабое взаимодействие ФОНа с НКЮ и предложил «приспособить» правовое отделение факультета к «практическим заданиям, которые преследует НКЮ». Тогда же единогласным решением Совета БГУ Гетнера ввели в состав деканата ФОНа [6, л. 30–31]. Спустя всего полгода ректор В.И. Пичета отмечал, что тесное общение с наркомом Гетнером способствовало сближе-

нию ФОНа с НКЮ, «укреплению и развитию факультета» [7, с. 124, 126; 6, л. 56].

Поэтому университетское избрание следующего наркома юстиции и прокурора БССР М.А. Сегалья лишь продолжило утвердившиеся ранее традиции. Он взял под свою опеку новый факультет, созданный на базе ФОНа – факультет права и хозяйства, стал непременным участником важнейших университетских мероприятий [8, с. 208; 1, с. 13].

Факультет права и хозяйства при непосредственной поддержке НКЮ и прокуратуры полноценно начал работать в составе двух отделений с 1925/1926 учебного года. В начале января 1926 года В.И. Пичета указывал и на обратную зависимость: «Выкладчыкі факультэта права і гаспадаркі прымаюць удзел у працах Нар. Кам. Юстыцыі і Камісіі Заканадаўчых Прадпалажэньняў. Урэшце, факультэт... у красавіку г. г. арганізуе з'езд працаўнікоў юстыцыі ў сувязі з Нар. Кам. Юстыцыі» [9, л. 31]. Деканом факультета был утвержден профессор-философ С.Я. Вольфсон. И декан, и ректор высказывали озабоченность по поводу «неабходнасці запрашэння новых прафесараў і выкладчыкаў для выкладання тэарэтычных дысцыплін і для вядзеньня практычных заняткаў», в первую очередь рассчитывая на «практычныя навуковыя сілы гор. Менску, якія працуюць у розных установах» [9, л. 33, 34]. Поэтому естественным было избрание в июне того же 1926 года наркома и прокурора М.А. Сегалья «сябрам» деканата, то есть членом деканата правхоза. В октябре 1927 года его вновь избрали, но уже в качестве заместителя декана факультета [10, с. 32].

Итоги демократической процедуры избрания условно свободного академического сообщества затем были утверждены решением Коллегии Наркомпроса БССР, которая, кроме того, обратила внимание руководства БГУ на «непринятие мер» по привлечению в БГУ профессоров и доцентов, «работающих в других частях БССР» [11, л. 25, 60]. Можно предположить, что М.А. Сегаль был как раз ксгати в качестве такового доцента. Ведь на январь 1926 года на правхозе было 3 и 1/6 (!) «дополнительных» доцента и лишь 2 штатных [12, л. 5].

Проблема обеспечения преподавания 477 студентам 1–2-х курсов важнейших правоведческих дисциплин оставалась

по-прежнему острой. И это в условиях, когда еще в 1926 году НКЮ и прокуратура сделали заявку на 162 выпускника правоведческого отделения факультета, да и сам М.А. Сегаль на ближайшее пятилетие «заказывал» 1692 выпускника БГУ, что никак не соответствовало возможностям факультета [9, л. 35, 37, 38].

В чем же конкретно выражалась академическая работа наркома и прокурора, что существенного он внес в становление правхоза как заместитель декана? В Национальном архиве Республики Беларусь имеется личное дело «доцэнта па катэдры судабудаўніцтва і нам. Дэкана Ф-ту Права і Гаспадаркі Сегаль Майсей Абрамавіч». Она содержит всего лишь 6 небольших листов, в которых отмечен короткий срок его пребывания в штате университета: с 15 сентября 1927 года по 1 июня 1928 года. Среди документов первой помещена выписка из протокола заседания правовой предметной комиссии от 13 мая 1927 года «аб неабходнасці замяшчэння дацэнтур па выкладанню судабудаўніцтва». Комиссия выдвинула на

ОБ АВТОРАХ

ЯНОВСКИЙ Олег Антонович.

Родился в 1951 году в д. Крички Минского района Минской области. В 1973 году окончил исторический факультет БГУ. С 1973 года работает в БГУ – лаборант музея истории, преподаватель, доцент, заместитель декана, декан исторического факультета, проректор, первый проректор (1999–2003). С 1998 года – заведующий кафедрой истории России исторического факультета БГУ.

Кандидат исторических наук (1981), профессор (2003).

Автор более 250 публикаций, десятков учебников и научных пособий для школ и университетов.

Сфера научных интересов: история высшей школы, интеллигентоведение и университетоведение, история внешней политики России.

НАЗАРЕНКО Артем Михайлович.

Родился в 1983 году в г. Гомеле. Окончил исторический факультет БГУ (2006). В 2006–2007 годах проходил научную стажировку в Лодзинском и Варшавском университетах (Польша). Аспирант кафедры конституционного права юридического факультета БГУ (2007–2010).

В 2005–2006 годах работал преподавателем Педагогического колледжа БГПУ имени М. Танка, преподавателем кафедры гуманитарных дисциплин Белорусской государственной академии искусств. С 2007 года – преподаватель, старший преподаватель кафедры источниковедения исторического факультета БГУ.

Магистр исторических наук (2007).

Автор более 20 публикаций.

Сфера научных интересов: информационное право, защита персональных данных, документоведение, управление информацией и документацией, конституционное право, административное право, история государства и права Беларуси, менеджмент вуза, педагогика высшего образования, межкультурные коммуникации.

эту должность кандидатуру Сегалья. Это решение было утверждено деканатом правхоза (14.05.1927) и Правлением БГУ (18.05.1927). Наконец, постановлением Наркомпроса БССР от 24.08.1927 М.А. Сегаль был утвержден доцентом по кафедре «судабудаўніцтва» правхоза, но только с 15.09.1927. В выписке из протокола № 2 заседания Коллегии Наркомпроса от 24.10.1927 определен состав деканата правхоза, в котором М.А. Сегаль назван как заместитель декана. Последний документ в архивном «деле Сегалья» – его заявление в Правление БГУ от 8 июня 1928 года с просьбой освободить от обязанностей заместителя декана правхоза «ввиду моего отъезда из БССР». В левом углу заявления – резолюция и личная подпись ректора В.И. Пичеты [13, л. 1–6]. Эти сведения из личного дела подтверждаются и дополняются архивными документами о деятельности Правления БГУ.

Утверждение наркома в качестве доцента правхоза чуть ли не автоматически означало и введение его в руководящий состав факультета. Сегаль был важнее как организатор, руководитель, лоббист. Любопытно, что уже за несколько месяцев до официального присвоения ему статуса заместителя декана он на заседании Правления БГУ был утвержден даже в качестве и.о. декана правхоза, ввиду зарубежной командировки С.Я. Вольфсона [14, л. 123]. И это в то время, когда летом 1927 года университет, его факультеты решали великое множество первоочередных организационных, кадровых, хозяйственных и иных задач, которые напрямую ложились на плечи и.о. декана. Например, 11 августа деканат правхоза получил от Правления установку организовать прием учащихся на экономические курсы [14, л. 136].

Однако есть основания предполагать, что М.А. Сегаль не особо стремился вникать в учебно-академические вопросы: он был весьма к стати в решении иных злободневных для молодого факультета задач. Например, его положение позволяло помочь в изыскании новых площадей под учебные занятия. К лету 1927 года правхоз имел 3 корпуса, в которых училось почти 600 студентов.

Моисей Абрамович
Сегаль

Однако занятия студентов двух отделений проходили в здании бывшего Коммерческого училища («Дом № 3 БГУ»), которое, будучи рассчитанным на 400 учащихся, вместило почти 1600. Понятно, что условия для учебы были не наилучшими: для факультета были выделены всего 4 аудитории в полуподвальном этаже и одна – на верхнем. Занятия проводились в 5–6 смен! [15, л. 24, 26–27].

Что конкретно смог за лето 1927 года сделать новоявленный руководитель факультета, пока сказать сложно. Однако утверждение его в октябре этого года уже в официальном статусе заместителя декана означало, что «стажировка» в качестве и.о. декана прошла успешно.

Пока сложно утверждать, каким образом Моисей Абрамович мог вписаться в процесс белорусизации, уже набравший обороты. Правхоз в этом политически важном деле имел определенные успехи, постоянно увеличивая количество дисциплин, читаемых на белорусском языке [16, л. 22]. И тем не менее, в декабре 1927 года на Коллегии Наркомпроса БССР был отмечен «недостаточный темп белорусизации» именно на правхозе [11, л. 59]. Поэтому, возможно,

М.А. Сегаль, оказавшись в среде, наиболее приближенной к исполнению установок по белорусизации, мог вспомнить недавние свои ощущения на завершившемся в апреле 1927 года VIII съезде Советов БССР, услышав не один завуалированный намек на то, кому на самом деле не нужна белорусизация. Весьма прозрачно о том, «каму не патрэбна беларусізацыя», сказал И.А. Адамович: «Ён мае жонку, якая разумее рускую мову, нават французскую ці ангельскую, і дзяцей сваіх яна хоча вучыць рускай ці ангельскай мове. Вось такому грамадзяніну і не патрэбна беларусізацыя...» [17, с. 41, 52]. Забегая вперед, скажем, что Моисей Абрамович как раз и «меў такую жонку».

В ноябре 1926 года деканат факультета собрал всех своих профессоров-правоведов, представителей НКЮ и «Коллегии право-защитников», чтобы обсудить вопросы подготовки конференции работников юстиции. Роль Сегалья в подготовке конференции не

очевидна, хотя понятно, что он был в курсе дела: инициатива Правления БГУ была одобрена НКЮ, но проведение конференции было отложено. В данном случае можно в какой-то степени считать, что М.А. Сегаль, став «полноценным» доцентом правхоза, должен был восполнить потребность в преподавателях практико-ориентированных, владеющих конкретикой ситуации и дел почти во всех областях юриспруденции. Практикующему юристу высшего руководящего звена в тогдашних условиях не очень-то было необходимым углублять свои теоретико-научные знания. Например, не зафиксировано в архивных документах участие Моисея Абрамовича в бурных дискуссиях, которые регулярно проводились юридической секцией Научного общества БГУ. А ведь в них под председательством профессора М.О. Гредингера участвовали почти все преподаватели-юристы университета – В.Н. Ширяев, Б.В. Чредин и др. [16, л. 18]. Пока не найдены и свидетельства о преподавателе Сегале. В имеющихся в нашем распоряжении учебных планах по правхозу указанный выше курс по «судабудаўніцтву» за доцентом Сегалем не отмечен.

А в чем можно углядеть научную составляющую его «доцентства»? С некоторой натяжкой как бы проявлением «научно-администраторских» усилий выглядит статья за авторством Сегалья в журнале «Советское строительство» с характерным «полемиическим» названием «Проект кодекса о браке и семье и «законодатель» Гредингер». Публикация этой статьи в «ежемесячном общественно-экономическом журнале», издававшемся Госпланом БССР, сама по себе символична. Необычен и стиль данной статьи. Она написана в некой «задиристой» форме, заметно стремление обозначить и доказать правоту авторского «я» и абсолютную некомпетентность оппонента – профессора-юриста М.О. Гредингера [18]. Сложно утверждать, что статья написана не самим Моисеем Абрамовичем, однако явно заметно чередование достаточно точных свидетельств и доказательств по предмету спора (что, возможно, потребовало работы специалистов НКЮ) и очевидных частей с реакциями личностного характера. Чем была вызвана эта публикация, можно только догадываться. Возможно, нарком и прокурор рассчитывал утвердить

свою репутацию как дотошного и профессионального законника. Поэтому «суровая критика» М.О. Гредингером на страницах «Советского строительства» проекта кодекса явно зацепила «за живое» и разработчиков, и самого наркома. Для «достойного» ответа автор избрал интеллигентно-издевательскую, а порой даже глумливую манеру предъявления своих претензий к замечаниям и их безоговорочного отторжения.

Вид на строительство Университетского городка. Рисунок художника Н.В. Дучица (1896–1980). Март 1929 года

Еще раз М.А. Сегаль отметился в белорусской печати своим выступлением на VIII Всебелорусском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (5–12.04.1927), где он выступил с докладом «Конституция БССР» [17]. Кроме того, его избрали в состав секретариата съезда. В опубликованной стенограмме этот доклад напечатан на белорусском языке без пояснительной ремарки о языке выступления. Возможно, Моисей Абрамович был в состоянии зачитать подготовленный НКЮ достаточно сложный белорусский текст. Но также можно предположить, что в стенограмму вошел уже хорошо отредактированный текст (в переводе) [17, с. 366–392].

Этот съезд сопряжен с судьбой наркома и прокурора еще одним обстоятельством. Он определил, что на основе постановления ЦИК СССР «пачаць пабудову ў бягучым бюджэтным годзе будынку Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту» [17, с. 420]. Провал работы комиссии по расчистке площадей под данное строительство, которую он возглавит, по всей вероятности и станет

одним из поводов отъезда из БССР Моисея Абрамовича через год и два месяца.

Среди архивных документов удалось выявить несколько страниц о студентке БГУ правхоза Сегаль Людмиле Георгиевне. Содержание документов позволяет уверенно говорить о том, что это жена наркома и прокурора республики М.А. Сегалья. Анкетные данные гласили, что, будучи членом РСДРП с октября 1917 года, она работала на различных комсомольских и партийных должностях в Москве и даже была «помощником секретаря Политбюро партии». В БГУ Л.Г. Сегаль была «зачислена в студенты распоряжением Наркома просвещения», что, конечно, шло вразрез с общей практикой приема студентов в университет. Объяснение этому, видимо, в том, что она в провинциальном Минске была воспринята как заметная политическая фигура. О ней в ряду прочих сотрудников секретариата Политбюро позже вспоминал личный секретарь Сталина Борис Бажанов: если надо срочно найти нужную справку или документ, то только «одна из сотрудниц, Люда Курындина, высокая и крупная девица, обладает поразительной и трудно объяснимой памятью...» [19, с. 50].

Авторитет новоявленной студентки для БГУ и даже белорусского Наркомпроса был непререкаемым. Работа подле самого Сталина не требовала подкрепления фактом замужества за наркомом и прокурором Республики! Вот только почему чета Сегалей переместилась в Минск, оставив свои «теплые» московские места? Вероятно, «виновником» смены прописки был молодой муж, чья служба под началом Н.И. Муралова была перспективной лишь до смещения главкома Московского военного округа в мае 1924 года [20, с. 557]. Уже 16 апреля 1925 года М.А. Сегаль был утвержден в должностях наркомюста и прокурора БССР [4, с. 17].

Интерес представляют и причины спешного отъезда Сегалей из Минска в Казань летом 1928 года: он как-то уж точно совпал с новым поворотом в судьбе Н.И. Муралова, который в 1928 году был отправлен в Сибирь рядовым советским чиновником [21]. Почти одновременно в начале 1928 года бывший начальник Людмилы Георгиевны по секретариату Политбюро (Бажанов) бежал в Персию и уже летом оказался в Париже. Эта измена для Сталина стала громкой оплеу-

хой. Что ощущали Сегали в подобной ситуации – сложно и представить. Вероятно, что переезд в Казань стал или их личной инициативой, или инициирован высшим белорусским руководством, которое опасалось быть втянутым в политические разборки на самом верху партийной иерархии. Кроме того, в те весенние дни 1928 года, когда вся страна Советов следила за ходом судебного процесса по делу «шахтинских вредителей», легко можно было оказаться в стане тех, кто «стремился» «искусственным созданием конфликтов добиться недовольства рабочих и настраивать их против советской власти» [22, с. 7]. Ситуация апреля 1928 года в связи с задержкой подготовки площадки под строительство Университетского городка для БГУ как раз и характеризовалась резким недовольством населения, что могло быть расценено очень жестко по отношению к председателю правительственной комиссии по расчистке этой самой площадки – М.А. Сегалью!

Но пока еще раз вернемся к личному делу Л.Г. Сегаль (Курындиной). Значительный интерес представляют два небольших документа: заявление от 11 июня 1928 года студентки уже правхоза Л.Г. Сегаль на имя ректора БГУ с просьбой разрешить перевод в Казанский университет «ввиду перевода моего мужа в г. Казань» [23, л. 4]. В левом верхнем углу абсолютно похожими чернилами В.И. Пичета начертил свою резолюцию (заявление студентка Сегаль писала в кабинете ректора его же ручкой?!). Второй документ – также от 11.06.1928 – это справка «Для предоставления в Казанский ун-т», в которой констатируется, что студентке 2-го курса (на этот же курс она была принята почти два года назад!) экономического отделения правхоза «со стороны Правления Университета не встречается препятствий к переводу ее в Казанский университет» [23, л. 6].

Скорее всего, готовил базу для отъезда из БССР сам Моисей Абрамович. В течение апреля – мая 1928 года имя самого наркомюста и прокурора лишь изредка фигурировало на заседаниях СНК БССР. Он указан в записях протокола № 45 от 30 мая, но уже протокол № 47 от 13 июня 1928 года называл «Ч.в.а. Народнага Камісара Юстыцыі і Пракурора Рэспублікі т. Гохмана» [24, л. 299]. Получается, М.А. Сегаль оставил свою го-

сударственную службу где-то в это время, что почти совпадает с датой его заявления в Правление БГУ (8 июня) об освобождении от обязанностей заместителя декана правоза и датой заявления (11 июня) его жены Людмилы Георгиевны об отъезде вместе с мужем в Казань.

В те же дни, когда Моисей Абрамович спешно покидал Минск, развернулись нешуточные идейные сражения по поводу дальнейших перспектив и смысла деятельности БГУ. Характерно, что «крутой поворот» в уже устоявшейся практике работы университета собирались осуществить «сакрэтна» і «па думках палітычнага характару» [25, л. 23–24]. Можно предположить, что М.А. Сегаль был в курсе подобных «сакрэтных прапазіцый» в отношении свертывания прежних политических установок и перехода на радикально новые – не столько в БГУ, как в целом в БССР и СССР. Пропаганда внедряла в сознание масс идеологему, что повсюду страну Советов окружают враги. Даже в университете военизация становилась органичным сопровождением учебного процесса [26, л. 52]. Страна стояла перед общим «крутым поворотом». В БССР шло активное исключение из КП(б)Б высокопоставленных коммунистов за «фракционную работу», «принадлежность к оппозиции». Под одно из первых «очищений» партийных рядов (с заметным национальным оттенком) попали 3 доцента и 6 студентов БГУ [27, с. 287]. Хорошо информированному о дальнейших перспективах подобных «чисток» нарком и прокурору было разумным сменить место работы и проживания.

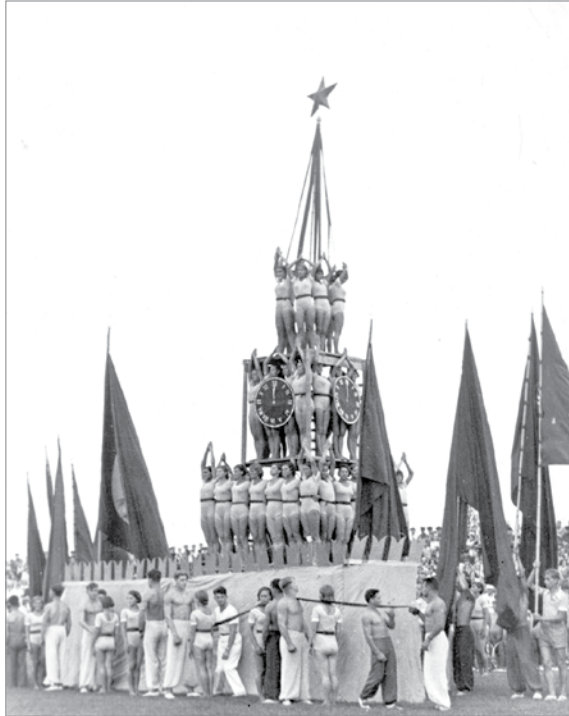
И все же сложно однозначно дать ответ на вопрос: чем была обусловлена спешка семейства Сегалей при оставлении ими Минска? В фонде СНК БССР Национального архива существует пространный материал о ходе строительства Университетского городка, предназначавшегося исключительно для БГУ [24; 28]. Это было многотрудное реше-

ние государственной важности в пределах всего СССР, и контроль за ходом подготовительных работ был строжайшим.

Первое заседание Комиссии по разработке заданий по возведению Университетского городка состоялось 16 ноября 1925 года.

16 февраля 1926 года был объявлен Всесоюзный конкурс на лучший проект значимого сооружения [29, л. 75]. Согласно постановлениям СНК БССР 1926–1927 годов осуществлялись организационные мероприятия и само строительство Университетского городка – все 11 его корпусов должны были быть построены до 1 января 1930 года [30, л. 159, 166]. Но уже 10 марта 1928 года Правление БГУ выразило обеспокоенность состоянием сноса частных построек, а также зданий Дома металлистов, Конного парка и других учреждений, как и перспективами расселения семей по новым квартирам [30, л. 182, 199].

В подобной ситуации на заседании СНК БССР 6 апреля 1928 года был заслушан вопрос «Аб аслабленні пляцу пад будаўніцтва Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту». По итогам обсуждения принято решение о создании спецкомиссии под председательством М.А. Сегалья, которой поручили определить порядок сноса зданий и компенсации домовладельцам. Результаты своей работы Комиссия должна была подать на утверждение «распарадчага пасяджэння Савету Народных Камісараў» [24, л. 213]. Здесь стоит напомнить, что на последующих заседаниях СНК в апреле – мае 1928 года (а таких было 5) М.А. Сегаль присутствовал лишь на одном, 30 мая. Тем не менее, «особая комиссия» под председательством Моисея Абрамовича за дело взялась сразу. Уже 7 апреля было проведено ее первое заседание, на котором сам председатель представил проект постановления СНК «О реквизиции частных домовладений и о муниципализированных зданиях и постройках, которые подлежат

Студенты БГУ
на параде 1 мая
1927 года

сносу с площадки для строительства БГУ» [28, л. 39]. Член комиссии Рабинович, представлявший интересы Мингорисполкома, высказал особое мнение, заявив, что СНК должен продлить сроки выселения. В дальнейшем работа комиссии в документах не просматривается, что вскоре напрямую скажется на судьбе ее председателя.

В ряду подобных архивных свидетельств обращает на себя внимание акцентированная констатация вопиющего факта, что «задержка приступа к работам» возникла из-за того, что к 15 мая 1928 года не были снесены дома и не очищена территория старого еврейского кладбища. Также констатировалось, что эта задержка вызвала большой общественный резонанс, о невыполнении правительственных решений писали центральные и местные газеты БССР. Нарком просвещения А.В. Балицкий был вынужден 25 мая 1928 года созвать специальное совещание с участием всех заинтересованных сторон и «принципиально выявить» причины задержки [29, л. 83, 84].

Между тем котлованы под фундаменты университетских корпусов стали рыть уже 23 мая, и в справках-отчетах бодро рапортовали (уж не с подачи ли М.А. Сегалья?) о том, что из-за неснесенных зданий работы задержаны «всего лишь на 7 дней». Однако, видимо, это была только имитация «приступа к работам»: даже 1 июня Управление Госфинконтроля наркомфина определило «несвоевременность очистки площадки для строительства» [29, л. 84, 58a]. А на заседании Минского исполкома 7 июня постановили, что «строительный сезон по сооружению университетского городка сорван...», так как своевременно не проведена подготовительная работа. Принято решение обратиться в СНК с предложением создать госкомиссию для «выявления виновных» в срыве этой работы [29, л. 63]. Правда, эта просьба-предложение почему-то была направлена в СНК только 25 июня (?!). Случайно или нет, но в разгар всех этих «разборок», которые сегодня воспринимаются как попытки и скрыть истинное положение дел, и найти «крайнего» на случай «отчета перед Москвой», на заседании СНК БССР 6–7 июня М.А. Сегаль был освобожден от

Антон Васильевич Балицкий, нарком просвещения БССР (1926–1930)

обязаностей наркома юстиции и прокурора. По личной просьбе! [24, л. 58]. Кстати, на этом же заседании А.В. Балицкий вновь докладывал о проблемах со строительством университетского городка [28, л. 58].

Глубокое знание (и осознание!) «практико-ориентированных» методов юриспруденции и последствий их применения, вероятно, и подвигло белорусского наркома и прокурора к решительной перемене места жизни и работы. А это уже рассказ о совершенно ином этапе биографии нашего героя. Прихо-

дится отметить, что именно БГУ стал очередным «трамплином» для скороспелого доцента в его дальнейшей весьма бурной вузовской карьере.

БЕЗВОЗВРАТНАЯ «КОМАНДИРОВКА»

Отметим, что увольнение из БГУ – всего лишь дополнительный «штрих» в истории с отъездом М.А. Сегалья из Минска. Одного решения ректора В.И. Пичеты было мало, так как штатные вопросы в обязательном порядке рассматривало Правление БГУ. В протоколе ближайшего после даты заявления на имя ректора (08.06.1928) заседания Правления 12 июня рассматривались и утверждались многие кадровые вопросы, в том числе и заявление М.А. Сегалья [13, л. 149]. Просьба об увольнении уже бывшего высокопоставленного «советского работника» была неординарно воспринята членами Правления. После сухой констатации, что доцент Сегаль освобождается от обязанностей заметителя декана правхоза и доцента по причине «его откомандирования (!) в Казанский университет» были выражены «искренняя благодарность за работу в БГУ» и пожелание успеха «в организации нового факультета» в Казанском университете.

В скором времени (27 июня) Правление БГУ на своем заседании при назначении исполняющим обязанности заместителя декана правхоза доцента Н.А. Коноплина (кстати, как и доцент С.М. Гохман, он в недавнем прошлом был сослуживцем и подчиненным Моисея Абрамовича по Прокуратуре БССР) вдруг определило, что за уехавшим М.А. Сегалем оставляется на один год должность до-

цента по судоустройству и судопроизводству. Более того, по его просьбе был предоставлен годовой отпуск. Обо всем этом докладывал декан С.Я. Вольфсон [11, л. 156]. Возможно, это была попытка коллег-интеллектуалов скрыть истинные мотивы отъезда Моисея Абрамовича: так, на всякий случай, для отвода глаз пронизательных органов обозначить «командировку». А может быть, он на самом деле планировал «не сжигать мосты» и в случае неудач в Казани вернуться, вновь стать доцентом БГУ? Сложно дать однозначный ответ.

В ближайшее время обязанности заместителя декана правхоза были возложены на партийного лидера, заместителя ректора С.З. Слонима [11, л. 169]. А в это время Моисей Абрамович активно включался в жизнь и заботы знаменитого своей историей Казанского университета.

Пройдет несколько лет, и многие его коллеги по белорусскому правительству, члены возглавлявшейся им комиссии по подготовке площадки под строительство Университетского городка будут расстреляны по лживым обвинениям...

Интересным представляется и продолжение этой истории. Моисей Абрамович в Казани возрождал юрфак, а позднее стал ректором известного Казанского университета. Впоследствии он был еще ректором университета в Ташкенте, руководил тремя вузами в Москве в годы повальных репрессий второй половины 1930-х годов [31]. Но ни в БССР, ни в БГУ он больше не вернулся.

Р.С. Вскоре после передачи рукописи данной публикации в редакцию «Беларуской думки» от наших коллег из Москвы – профессора Эльвиры Борисовны Еришовой и ее аспиранта Александра Лукашина – были получены копии уникальных документов, хранящихся в российских архивах, которые позволят приоткрыть завесу тайны над многими сюжетами «постбелорусской» биографии одного из первых наркомоистов и прокуроров БССР. Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность нашим коллегам из России за оказанную интеллектуальную помощь, явившую собой реальный пример творческого сотрудничества на уровне более глубокого познания белорусской и российской истории. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Максимова, Л.П. Alma mater юристов Беларуси: История и современность юридического факультета Белорусского государственного университета / Л.П. Максимова. – Минск: Право и экономика, 2001. – 171 с.
2. Прокуроры БССР, Республики Беларусь / Генеральная прокуратура Республики Беларусь: Официальный сайт [Электронный ресурс]. – 2006–2012. – Режим доступа: <http://prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=10935#doc>. – Дата доступа: 12.03.2012.
3. Димитриева, А. Казанский Университет в биографиях ректоров / А. Димитриева, Н. Шарангина, К. Малкова // Научно-документальный журнал «Гасырлар авазы – Эхо веков». – 2003. – № 1–2.
4. История в лицах / материалы подготовили: Л. Малюкова [и др.] // Юстыцыя Беларусі. – 2009. – № 2. – С. 13–21.
5. Полозов, Г.П. Московский государственный педагогический институт – крупнейший педагогический вуз страны. 1930 – июнь 1941г.П. Полозов // Очерки истории Московского педагогического государственного университета / редкол.: А.В. Лубков (отв. ред.) [и др.]. – М.: Прометей, 2002. – С. 174–251.
6. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 12.
7. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта – Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад.: С.М. Ходзін, М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі; рэдкал.: С.У. Абрамэйка (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2011. – 375 с.
8. Працы Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту. – 1927. – № 13.
9. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 1566.
10. Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. – Менск, 1927.
11. НАРБ. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 273.
12. НАРБ. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 232.
13. НАРБ. – Ф. 205. – Оп. 3. – Д. 7434.
14. НАРБ. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 222.
15. НАРБ. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 267.
16. НАРБ. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 234.
17. Восьмы ўсебеларускі з'езд Саветаў рабочых, сялянскіх і чырвонаармейскіх дэпутатаў (Стэнаграф. справаздача). – Менск: Выданьне ЦВК БССР, 1927. – 455 с.
18. Сегаль, М. Проект кодекса о браке и семье и «законодатель» Гредингер / М. Сегаль // Советское строительство. – 1926. – № 10. – С. 215–221.
19. Бажанов, Б.Г. Воспоминания бывшего секретаря Сталина / Б.Г. Бажанов. – М.: СП «СОФИНА», Информационно-рекламный центр «ИНФОДИЗАЙН», 1990. – 319 с.
20. Деятели СССР и революционного движения в России: Энциклопедический словарь Гранат. – Репринт. изд. – М.: Сов. энциклопедия, 1989. – 832 с.
21. Николай Муралов / Сост. Н.С. Полещук. – М.: Моск. рабочий, 1990. – 239 с.
22. Петерс, Я.Х. Неразрывная цепь преступлений / Я.Х. Петерс // Огонек. – 1928. – № 22. – 27 мая.
23. НАРБ. – Ф. 205. – Оп. 3. – Д. 7433.
24. НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 423.
25. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 7. – Д. 194.
26. НАРБ. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 297.
27. Перед крутым поворотом: тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): Отражение времени в архивных документах / авт.-сост.: Р.П. Платонов [и др.]; под ред. Р.П. Платонова. – Минск: БелНИИДАД, 2001. – 312 с.
28. НАРБ. – Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 626.
29. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 1878.
30. НАРБ. – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 290.
31. Потапов, К. Безграмотный педагогический институт / К. Потапов // Правда. – 1935. – 11 августа.